

ВИТАЛИЙ БОРОЗДИН

ЗЕЛЕНый —
ЦВЕТ
КОМПРОМИССОВ

Виталий Бороздин

Зеленый - цвет компромиссов

<https://litres.ru/74525279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый компромисс кажется маленьким. Пока однажды не понимаешь, что именно из них и состоит вся твоя жизнь.

Алексей Кот приходит на огромный металлургический комбинат молодым инженером - талантливым, амбициозным и уверенным, что знания, честность и упорство способны изменить любую систему.

Но меняется страна. Меняется завод. Дефицит, связи, власть, деньги и новые правила постепенно вытесняют прежние принципы. И каждый следующий шаг требует лишь небольшой уступки самому себе.

Сначала Алексей учится управлять системой. Потом система начинает управлять им.

«Зеленый - цвет компромиссов» - это роман о человеке на изломе эпох, о большой промышленности, дружбе, любви, власти и цене успеха. И о границе, за которой разумный компромисс превращает человека в того, кем он никогда не хотел стать.

Содержание

Глава 1. Новое кресло	4
Глава 2. Юность	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виталий Бороздин

Зеленый - цвет компромиссов

Глава 1. Новое кресло

Алексей Семенович Кот опоздал ровно на сорок две минуты.

Это не было случайностью или проявлением рассеянности. В тридцать два года — а для руководящих эшелонов заводу управления советского гиганта этот возраст казался почти мальчишеским — подобное опоздание являлось первым выверенным управленческим жестом. Человек, приходящий вовремя, демонстрирует исполнительность. Человек, заставляющий коридоры ждать своего появления, демонстрирует власть.

Алексей шел по паркету второго этажа Отдела материально-технического снабжения комбината «МеталлургСталь» им. XXII съезда КПСС — той самой индустриальной махины, которую миллионный город М. между собой окрестил «Дымогаркой».

Его шаг был чеканным, размеренным, сухим. На нем си-

дел безупречно отглаженный костюм из темно-синего чешского габардина — редкий дефицит, стоивший немалых денег, но полностью оправдывающий каждую потраченную купюру. Жесткий белоснежный воротник сорочки впивался в подбородок, заставляя держать голову подчеркнуто высоко. Подчиненные, высыпавшие из кабинетов с папками бумаг и товарными ведомостями, провожали его взглядами. В этих взглядах еще не было страха, но уже читалось тревожное, выжидательное почтение: новый начальник.

Возле лестничного пролета его нагнал Леонид Васильевич Залесский.

Тридцатишестилетний заместитель, опытный и проницательный снабженец, прибавил шаг, подстраиваясь под размашистую походку Кота. На Залесском был аккуратный, но подчеркнуто скромный серый пиджак. Он слегка пригибался к Коту, заглядывая ему в лицо с той особенной, сладковатой и вкрадчивой интонацией, какую обычно приберегают для высоких гостей из министерства.

— Алексей Семенович! — Залесский семенил рядом, чуть опережая и заглядывая в глаза с заискивающей полуулыбкой. — С вступлением в должность! Вы не сомневайтесь, мы ваша команда. Каждая бумага, каждый наряд — всё будет вылизано до блеска. Вы у нас теперь как заслон, а мы — ваш надежный тыл. За вами как за каменной стеной! Вы только пальцем укажите, всё исполним в лучшем виде...

Кот даже не повернул головы.

На ходу, не сбавляя чеканного шага, Алексей слегка повел плечом и пренебрежительным, сухо-холодным жестом отмахнулся от Залесского — словно сгонял с дорогого сукна темно-синего пиджака назойливую майскую мошку. Это было полудвижение кисти вниз: короткое, отстраненное, указывающее на дистанцию и точное место каждого присутствующего.

— Занимайтесь делами, Леонид Васильевич, — ровно, с ледяным бархатом в голосе произнес Кот. — О вашей преданности работе я сужу по сводкам, а не по речам в коридоре.

Залесский моментально осекся. На его лице на секунду проступила тень расчетливого, внимательного пригляда, но он тут же затянул её привычной сдержанной маской, замедлил шаг и отступил к стене, чуть наклонив голову в покорном полупоклоне.

Кот миновал приемную, где за печатной машиной замерла секретарша, и толкнул тяжелую двухстворчатую дверь из моренного дуба.

* * * * *

Кабинет встретил его оглушительной, почти стерильной новизной.

Здесь больше не пахло застоявшимся табачным перегаром и кислым сукном прежней эпохи засидевшегося дольше нужного директора. Залесский успел подготовить пространство безупречно, даже несколько раболепно. Паркет сиял

свежим слоем масляного лака, стены были перетянуты строгими зелеными обоями с тиснением, а в центре комнаты возвышался монументальный Т-образный стол из темно-коричневого ореха.

Алексей подошел к огромному панорамному окну.

Отсюда, с высоты третьего этажа заводоуправления, «Дымогарка» открывалась во всем своем грандиозном, подавляющем великолепии. Яркое июньское солнце 1989 года играло слепящими бликами на остеклении цехов, на тех проблесках стекла, которое еще не полностью подавила гарь и копоть комбината. Внизу, в извивающейся паутине железнодорожных путей, тяжело пыхтели маневровые тепловозы, перегоняя составы с коксом и железной рудой. На площадках сновали погрузчики, рабочие катили огромные рулоны листового проката, а над всей этой рукотворной долиной поднимались монументальные трубы, извергающие сизые и рыжие клубы дыма.

В каждой семье города М. был человек, чей суточный ритм подчинялся гудку этого гиганта. Комбинат кормил, одевал, строил жилье и давал смысл жизни огромному региону. И Алексей Семенович Кот только что взял в руки главный рычаг, управляющий материальным снабжением этого монумента.

Он чувствовал себя триумфатором.

Алексей повернулся и сделал шаг к своему новому креслу в прямом и переносном смыслах. Оно было массив-

ным, обтянутым плотной черной кожей. Алексей опустился в него. Кожа отозвалась плотным, упругим, приятным скрипом, принимая форму его тела.

Его пальцы начали неторопливый, ритуальный обход личной территории. Алексей коснулся тяжелой хрустальной пепельницы с глубокими гранями — холодный, совершенный хрусталь. Протянул руку к массивной бронзовой настольной лампе с зеленым стеклянным абажуром, повернул тумблер. Свет мягко озарил суконный бювар. Щелкнул назад, гася плафон.

Поправил письменный прибор из змеевика и свою фирменную зеленую перьевую ручку, лежавшую строго параллельно краю стола.

Он упивался этим кабинетом. Наслаждался тишиной, запахом дорогого лака, тяжестью дубовых панелей и осознанием собственного значения. Ему тридцать два года, и он — полновластный хозяин этой структуры.

* * * * *

Щелкнул замок кожаного портфеля-дипломата. Алексей достал из него две простые деревянные фоторамки и аккуратно поставил их на левый угол столешницы — как главный эстетический и личный аксессуар своего победного кабинета.

С первой фотографии на него смотрела Вера. Блондинка с балетной осанкой, медовыми волосами и строгими, удивительно чистыми глазами. Его жена. Светлый, нежный якорь

его жизни, ради уюта и счастья которой он был готов сдвинуть горы.

На втором снимке, сделанном на выцветшую пленку «Свема», их было трое.

Газон возле главного корпуса технического института. В центре — он сам, Алексей, с непокорным вихром и в протертых простых брюках. Слева, прижавшись к его плечу, смеется молодая Вера. А справа, обняв обоих своими широкими, мозолистыми ладонями, возвышается Саня — дворовый друг детства, простой и честный парень, слесарь-ремонтник с ясным взглядом.

Алексей взял зеленую перьевую ручку и замер, вглядываясь в выцветший снимок. Солнечный кадр девятилетней давности отозвался в душе чистым, теплым светом.

Мысли Алексея, подхваченные ровным гулом заводских труб за окном, плавно перешагнули порог кабинета и унеслись назад — в то далекое, ясное и безупречное лето 1980 года, когда всё только начиналось...

* * * * *

Глава 2. Юность

Июль 1980 года ворвался в город М. подобно пышному, знойному карнавалу солнца, липового цвета и предолимпийского азарта.

Страна жила в сладком, почти хмельном ожидании. В столице накануне открытия Олимпийских игр витала атмосфера небывалого праздника. С экранов цветных и черно-белых телевизоров улыбался ласковый олимпийский Мишка, в газетах рапортовали о работе космической станции «Салют-6», а сквозь приоткрытый «железный занавес» в советские города уже проникал пьянящий дух глобального обновления. В обиход стремительно входили иностранные слова, на улицах все чаще мелькали яркие олимпийские эмблемы, а звонкий девиз «Мир, дружба, жвачка!» казался не просто шуткой, а настоящим манифестом нового поколения.

Даже первые, пока еще едва заметные признаки дефицита — очереди за чешской обувью, гонка за баночкой индийского растворимого кофе или заграничными джинсами — воспринимались двадцать трехлетними молодыми людьми не как драма, а как азартное приключение, придающее жизни острый и пикантный вкус.

Для двадцатитрехлетнего Алексея Кота и его сверстников этот июль был отмечен важным победным рубежом: июнь-

ская сессия за третий курс механико-технологического факультета осталась позади. Зачетные книжки пестрели отметками «отлично», тяжелые планшеты с начертательной геометрией были спрятаны в шкафы, а впереди простиралось бескрайнее, горячее лето.

Алексей был пылко, безудержно влюблен. И эта влюбленность окрыляла его сильнее, чем любые академические успехи.

С Верой Светловой они были вместе уже полгода — с той самой памятной декабрьской стужи, когда в актовом зале института гремела межфакультетская игра КВН. Алексей, капитан команды технарей, блистал на сцене искрометным умом, дерзкой находчивостью и юношеским артистизмом. В первом ряду сидела Вера. В ней не было шумной студенческой кокетливости — лишь естественная, сдержанная утонченность, мягкий золотистый ореол волос, ловивший свет прожекторов, и удивительно глубокий, чистый взгляд, от которого у Алексея на секунду перехватило дыхание. Когда их глаза встретились сквозь сценический дым и вспышки хлопушек, романтическая судьба Алексея была решена бесповоротно.

Вера училась на экономическом факультете. Выбор специальности был для неё осознанным и строго взвешенным. Вера органически не переносила серости и грубости производственного быта — мысли о профессиях уровня ПТУ, вроде поварихи, прачки или крановщицы, вызывали у неё

внутреннее отторжение. Ей претила сама мысль провести юность в промасленной спецовке или у раскаленной плиты. Она любила познавать новое и интересное, стремясь к утонченности и высокому статусу. Из всех доступных девчачьих профессий эпохи экономика казалась ей наиболее чистой и достойной. И пусть это были сухие цифры, отчеты и балансы — но это были цифры Высшей школы, науки и университетского уровня, а не убогий учет заводского склада.

При этом сама Вера не мечтала о громкой карьерной славе. Ее идеал был чисто женским, светлым и цельным — простое человеческое счастье, уютный дом, наполненный детским смехом, и муж, которым можно гордиться.

А гордиться Алексеем было легко. Кот не просто учился — он горел поэзией созидания. В его представлениях инженер был не сухим чертежником, а истинным творцом нового мира. Алексей мечтал проектировать и строить гигантские машины, монументальные прокатные станы и автоматические линии, которые заставят комбинат «МеталлургСталь» работать с грацией совершенного механизма и двинут вперед всю огромную страну.

* * * * *

Первая совместная вылазка на природу готовилась с почти торжественным трепетом.

Местом был выбран живописный высокий берег реки за промзоной города. Оттуда, с зеленеющего холма, окаймленного сосновым бором, открывался грандиозный панорамный

вид: синяя гладь воды, заливные луга и далекий, подернутый легкой дымкой силуэт «Дымогарки» — монументально-го гиганта, чье дыхание казалось тогда молодым людям величественным пульсом самой жизни.

Именно здесь Алексей решил познакомить Веру со своим самым близким человеком — дворовым другом детства Саней.

Саня был фигурой совсем иного склада. Окончив ПТУ в июне, он ровно месяц назад заступил на стажировку в качестве помощника слесаря в ремонтный цех «МеталлургСтали» и уже успел отработать свои первые четыре недели на реальном производстве. Если Кот и Вера представляли собой цвет университетской науки, то Саня был плоть от плоти заводской земли. Крупный, широкоплечий, с крепкими ладонями, тронутыми первыми профессиональными мозолями и темными въевшимися тенями мазута у ногтей, Саня излучал простую, надежную и абсолютно бескорыстную силу.

Когда Кот подвел Веру к постеленному на траве покрывалу, Саня смущенно поднялся, неуклюже вытирая руки о штанины чистых потрепанных жизнью джинсов.

— Знакомься, Верочка, — с гордостью произнес Алексей, раскинув руки. — Это Саня. Мой лучший друг с самого детства. Человек, с которым мы выросли в одном дворе и с которым прольем еще немало пота!

— Александр, — басисто и чуть оробев перед грациозной Верой, вымолвил Саня, осторожно и бережно пожав её тон-

кую ладонь. — Очень приятно. Леха про вас все уши прожужжал.

— А я Вера, — тепло улыбнулась девушка, мгновенно почувствовав открытость и доброту этого гиганта. — Алексей о вас тоже рассказывает на каждом шагу.

Смущение растаяло через пять минут. Июльский день 1980 года располагал к искренности, а молодые сердца не знали преград.

На покрывале разложили нехитрую снедь: домашние пирожки, запеченную в фольге картошку, свежие огурцы и дефицитную газировку в стеклянных бутылках. Саня с истинно мужским азартом развел небольшой, аккуратный костерок, чтобы испечь на прутиках кусочки сала, а Алексей раскинул на траве чертежный блокнот.

* * * * *

Разговор тек легко, переключаясь с шумом сосновых крон и плеском реки.

— Вы только представьте себе этот размах! — вдохновенно говорил Алексей, вычерчивая березовой веточкой на плотной земле схему. — Мы стоим на пороге грандиозного перелома. В Москве открывается Олимпиада, в космосе наши станции работают месяцами! А у нас на «Дымогарке» до сих пор половина операций на капремонтах делается вручную. Я спроектирую стан, который изменит все!

— Ты сначала третью сессию отпразднуй, инженер, — с добрым смехом перебил его Саня, подбрасывая сухую сос-

новую шишку в огонь. — На заводе, Леха, железо жесткое. Я вот за месяц помощником слесаря накрутился — там эмульсия, там пар, там вал клинит. Но ничего! Менять будем. Ты проектируй свои гиганты, Умник, а я на сборке встану. Зазоры выверю до микрона. Мои руки твои чертежи не испортят!

Вера сидела рядом с Алексеем, прислонившись плечом к его рукаву. На ней было легкое светлое платье в мелкий васильковый цветок, ветер слегка трепал её волосы. Она смотрела на Алексея с нескрываемым восхищением, в котором угадывалась глубокая, истинно женская нежность.

— Леша у нас построит свой главный станок, — тихо, но твердо произнесла она. — Я уверена. А я буду считать экономический эффект. Чтобы ни один рубль не пропал впустую.

— Вот это правильно! — подхватил Саня, поднимая кружку с чаем из термоса. — За высшую школу и за рабочую косточку! За то, чтобы у нас всё получилось!

В этот вечер они казались себе непобедимыми. В воздухе пахло молодой травой, дымом костра, речной свежестью и тем особым, непередаваемым ароматом надежды, который бывает только в двадцать три года. Они верили в верность, в вечную дружбу, в силу своей страны и в то, что мир создан специально для их счастья.

Алексей обнял Веру за плечи, она прижала свою ладонь к его руке, а Саня расхохотался, смотря на далекие, розовеющие в закатных лучах трубы комбината.

Шел июль 1980 года. Впереди была Олимпиада, жизнь,

полная свершений, и длинная, светлая дорога, на которой
еще не было видно ни единой тени.

* * * * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.